

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шагвич

Записки из старого баула в синюю клетку

Продолжение
Начало в №12 – 2021

Наблюдение

На улице стоят: одна пожарная машина, две полицейские и десяток зевак. Проезд перекрыт, работают специальные службы спасения.

Всё по-серьёзному.

Оказывается, чья-то кошка залезла на дерево, а слезть не может. Вот и орёт на всю улицу, вызывая сострадание бюргеров.

Два часа работы трёх государственных ведомств, несколько тысяч потраченных марок – и кошка спасена. Зеваки в восторге.

Мораль: если в Германии так относятся к котам, то в этой стране, пожалуй, можно жить.

Ох, как я был тогда наивен!

Социальное ведомство

(в произведениях классиков русской литературы)

Социаламт! Как много в этом слове для сердца русского сплелось. Про отозвалось, я вообще молчу.

Или: любите ли вы социаламт, как люблю его я. Бывало зайдёшь, встанешь в очередь и ...

А заходить в первое время приходилось часто.

Отношение с этим заведением на уровне любви-ненависти.

В социаламте выдавали деньги и разрешения – это любовь. Но, приходилось просить и унижаться – тут уже не до интима.

Главное – не приходиться в отдел рано утром. Иначе будешь вдыхать пивные пары в обществе алкоголиков-тунеядцев и любителей собак. Им каждое утро выплачивают пособие на алкоголь и четвероногих питомцев.

Из сострадания к обоим.

Может, начать пить и завести собаку, всё-таки лишние сорок марок не лишние.

Впоследствии я так и сделаю.

Отступление

Среди многочисленных психо-эмоциональных установок, мотивирующих представителей контингента еврейских и прочих беженцев, можно выделить три основных.

Первый: они мне должны, обязаны, пусть теперь расплачиваются.

Второй: я своё там уже отработал (варианты: на коммунистов, на бывшую родину, на дядю), и тут пахать на немцев не собираюсь.

И третий: я докажу, добьюсь, принесу пользу; короче, помогу построить светлое будущее в отдельно взятой стране. А заодно и своё.

Первая и вторая группы бегают. По бессмысленным интеграционным курсам и по врачам за справками от этих самых курсов.

Большинство – успешно.

Но я в них камень не брошу, сам в стеклянном доме.

Германия, вообще, это вам не Америка – страна иммигрантов со всего 300-летней историей и погонями за индейцами. Это вам не звериный оскал капитализма.

Германия – многовековая либеральная демократия, или, как минимум, делающая вид таковой. Они уже навоевались, науничтожались, и теперь пытаются хоть как-то воздать тем, кого обидели в прошлом.

Вот и получается, что в Германии кто не работает, тот тоже ест.

А в это время третья группа старается, суетится, пыхтит, тужится, пытается что-то доказать. Кому-то везёт больше, как врачам; кому-то, как учителям, меньше. Инженерам – так себе.

Поэтому талантливый педагог Сеня идёт работать санитаром в дом престарелых, а хороший инженер Виля тягает кабели за учеником электрика.

Каждому своё.

Дочь

У меня с женой начинаются языковые курсы, ребёнка надо отдавать в школу. Немецкий у всех близок к нулю, хотя стремится к бесконечности.

Нашу дочь направляют в специальный языковой класс, где контингент от 6 до 16 лет. Там учат не немецкому, там преподают школу суровой подростковой жизни: курить, пить, русскому-матерному и откуда берутся дети.

Мы туда не хотим.

Мы настроились на гимназию, то есть, в светлое будущее. Без языка – самоубийство. Харакири. Публичная порка.

Идём в городское управление образования требовать достойного обучения.

У нас в рукаве туза нет. Нет даже завалящего валета. Нет вообще ничего, кроме национальной настойчивости, именуемой в народе наглостью.

По старой традиции мы заучиваем с дочерью пару фраз на немецком наизусть.

Главное – вежливо улыбаться.

Приятная дама в городском управлении образования не против гимназии, но хочет убедиться в знаниях по «родному» немецкому языку.

«Как тебя зовут? Алла. Сколько тебе лет? Двенадцать. Ты откуда приехала? Из Украины».

Надеюсь, этого хватит. Главное – вежливо улыбаться.

Первых три вопроса прошли на ура. «Хорошо, а какие у тебя хобби, чем ты увлекаешься помимо школы?»

Дочь вежливо, но непонятливо улыбается, косится на меня и уверенно говорит: «Меня зовут..., я приехала..., мне двенадцать лет».

Фрау всё понятно, она учтиво пытается мне объяснить, что учебный год в гимназии уже начался два месяца назад, что девочка не справится, не потянет, мы её загубим как личность, она сойдёт с ума, ребёнка ждёт наркомания, психиатрия и безрадостное будущее на социальное пособие.

Я настойчив и не собираюсь уходить. Через какое-то время вежливая фрау, теряя интеллигентное самообладание, зовёт на помощь заведующего всем образовательным управлением.

Через час нашей «непринуждённой» и напряжённой беседы вежливый мужчина багровея от ярости угрожает вызвать полицию. Я согласен сесть на пятнадцать суток, но ребёнка в языковой класс на съедение не отдам.

Ещё через сорок минут оживлённой дискуссии обессиленный заведующий, вытирая потный лоб, заставляет писать две расписки: одну, что мы не будем иметь никаких юридических и прочих претензий, если наша дочь сойдёт с ума или сбежит из дома от непосильных условий обучения. И вторая: обязательство, что мы всё же переходим в языковой класс, если результат первого полугодия будет ниже 3,0. Обещает лично проверить.

– Я вашу настойчивость уважаю, но вас лично, извините, ненавижу, – заведующий не сдерживается мне в ухо перед уходом. Ничего, нам с ним не жениться, а его слюни в моём ухе я ради светлого будущего дочери потерплю.

Ребёнок идёт в гимназию, опоздав к началу учебного года на два месяца.

Мы с дочерью занимаемся вместе по следующей схеме: немецкие школьные тексты переводятся со словарём на русский. Русский перевод заучивается наизусть. Заученное рассказывается по памяти и записывается на чистый лист. Этот русский текст переводится со словарём на немецкий. Записывается и выучивается снова наизусть. Текст и смысл становятся понятны. Спать ложимся после трёх ночи. В шесть звонит будильник.

Дочь заканчивает восьмой класс на втором месте по успеваемости в классе с 1,6 балла.

Еврейская община

Сосед по общежитию Толик – известный в прошлом шахматист. Так он во всяком случае утверждает. Проверить некому, все играют так себе, мы верим на слово.

– Хочу в еврейскую общину пойти и стать членом, – говорит, – пусть меня запишут. Хотя, я во всё это не верю.

– Во что?

– В еврейство. В наш статус беженцев, в избранность, в наше заслуженное пребывание здесь в этой стране, и вообще...

– А зачем тогда суетиться? Иди в баптисты. Или в свидетели Иеговы. Или вон, адвентисты седьмого дня тоже звучит неплохо.

– Всё очень просто: в этой стране надо быть в стае! А в другую стаю, кроме еврейской, меня не возьмут. Так что, с евреями жить – по-еврейски выть.

На следующий день идём записываться в стаю таких же, как и мы: нерелигиозных, необрезанных, постсоветских евреев. Надеюсь, не волчью.

Знал бы я, как мы были недалеко от истины.

Я – пожарный

– Мужик, в волейбол играть умеешь?

– Ну, в общем, так себе. Да.

– Ничего. Сгодишься. Поехали.

В машине пятеро: Коля – новый знакомый, три немца и я.

Спортивное общество пожарных.

Отделение волейбола, всё официально.

В команде два настоящих, хоть и добровольных, борцов с огнём, врач-психиатр, пара инженеров и я.

Взнос 10 марок в год, и ты – пожарный.

Играем час, пиво пьём до вечера. Хорошее время.

Коля – из Иваново. Там он женился на студентке-немке и приехал с ней в ГДР.

С тех пор здесь и живёт.

Мы с ним дружим уже больше двадцати лет.

Квартира

Заканчиваются языковые курсы, народ начинает искать квартиры. Пока ещё переезд и элементарная мебель за счёт государства.

Такое не профукивают.

Однако, количество квадратных метров на душу населения ограничено. Как и цена за квартиру, выделяемая на семью.

Не разгонишься.

Бегаем, звоним, смотрим, разочаровываемся, смотрим следующую.

Как-то гуляем в городском парке, там стоят недавно построенные дома в стиле модерн. Беленькие, чистенькие, ухоженные. Но – жутко дорогие. И телефон рядом с ценой. Звоню:

– Герр, мистер, сэр, сеньор, мюсье, товарищ, я – врач, планирую быть врачом и здесь. Очень хочется соответствовать статусу. Нельзя ли подешевле? Если начну зарабатывать – отдам. Клянусь мамой, век воли не видать.

Оказывается в любом доме, построенном по системе сниженных налогов, обязательно должно быть социальное жильё. И в этом доме такое есть, и оно свободно. Хотите? Хотим. Хотим!

Правда, в нём раньше располагался угольный склад, зато в парке, к тому же соответствует статусу. И окна на тропинку среди вековых деревьев. Рай земной, а не квартира.

Берём.

Приехали родственники. В честь их прибытия у нас в квартире собрались другие родственники, уже живущие в Германии. Всего пятнадцать человек на пять спальных мест.

Выпили много, чтобы не замечать неудобство отсутствия удобств.

Мы с женой в итоге спали на коврик в прихожей. Ноги упирались во входную дверь, голова в дверь туалета. То есть, я и жильё охранял, и бегать было недалеко.

Самое счастливое время.

Самая лучшая квартира на свете.

Ваш доктор Шаевич

Продолжение следует